

«Петербургский дневник» представляет

**Борис
Орлов**

Тянуло войною из-за горизонта,
Но люди устали от прежней войны.
Мы дети солдат,
возвратившихся с фронта,
Мы поздние дети
Великой страны.

**Холодная война –
глубины океана...**

Писатели на войне, писатели о войне

Борис Александрович Орлов
Холодная война –
глубины океана...
Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481773

Холодная война – глубины океана...: Информационно- издательский центр Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; СПб;

2015

ISBN 978-5-91498-072-3

Аннотация

В эту книгу вошли стихи, написанные в течение почти сорока лет. В них рассказывается о службе на флоте, о родственниках принимавших участие в Первой и Второй мировых войнах, о малой родине автора и о сформировавшихся в течение жизни философских взглядах. С детских лет Борис Александрович Орлов чувствовал себя гражданином великой страны, частичкой великого народа. Вместе со всеми он переживал наши победы и неудачи. Никогда не был равнодушным. Боль русского народа чувствовал своим сердцем. И это нашло отражение в его стихах: «Русский мир – это мир, в котором я родился, мир, который я защищал, служа на флоте, и продолжаю защищать,

служа литературе. Меня радует, что Россия в последние годы значительно окрепла, вернула Крым, ее корабли опять бороздят океаны. Я верю в счастливое будущее моей страны, страны сильной и справедливой, хотя и придется ей пройти еще через множество нелегких испытаний».

Содержание

ОТ АВТОРА	7
***	10
I	11
***	11
Север	12
***	13
***	14
***	15
***	16
***	17
Атака	18
***	19
***	20
Авария	21
В конце похода	22
***	23
***	24
***	25
***	26
В Ленинграде	27
***	28
***	29
Заполярье	30

Полярная ночь	31
Начало похода	32
* * *	33
Полигон	34
Обелиск	35
* * *	36
* * *	37
Утренняя песня	38
Отдаленный гарнизон	39
В отпуске	40
* * *	41
Залив	42
* * *	43
* * *	44
Картина	45
* * *	46
* * *	47
* * *	48
В реакторном отсеке	49
Шутка	50
Шторм	51
* * *	52
День рождения	53
* * *	54
* * *	55
* * *	56

***	57
***	58
***	59
***	60
***	61
Наш корабль	62
***	63
***	64
***	65
Флаг	66
***	67
II	68
1955 год	68
Отцу	70
В День Победы	71
Возвращение	72
Сорок первый год	73
***	74
Высота	75
***	76
Ветеран	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Борис Орлов

Холодная война – глубины океана...

ОТ АВТОРА

Холодная война... О ней стали говорить в начале 1990-х годов после развала Советского Союза. Американцы даже выпустили медаль, которую они, как считали, вручали победителям в этой войне. Да, время после мая 1945 года было напряженным. США разработали несколько планов по нанесению ядерных ударов по СССР. Они навязали нам гонку вооружений, чтобы подорвать нашу экономику. Мир был напряженным, но более спокойным, чем после развала Советского Союза.

Советским Вооруженным Силам и другим силовым структурам после Великой Победы пришлось принять участие почти в четырех десятках военных конфликтов, за организацией которых, как правило, стояли американцы и их союзники по НАТО. Холодная война давала горячие вспышки – в ней гибли советские люди. Например, после Великой Отечественной войны в результате столкновений с натовскими подводными лодками, катастроф на море и аварий по-

гибло около тысячи моряков-подводников. Но, к сожалению, все эти сведения были засекречены. И проиграли эту войну не наши Вооруженные Силы, а политики времен так называемой перестройки.

Я после окончания Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского несколько лет прослужил на атомных подводных лодках Северного флота. И считаю эти годы самыми важными в моей судьбе. Служба подводника закалила характер и помогла сформировать государственно-политическое понимание событий, происходящих в стране и в мире.

В эту книгу вошли стихи, написанные в течение почти сорока лет. В них рассказывается и о службе на флоте, и о моих родственниках, принимавших участие в Первой и Второй мировых войнах, и о моей малой родине, и о сформировавшихся в течение жизни философских взглядах.

С детских лет я чувствовал себя гражданином великой страны, частичкой великого народа. Вместе со всеми я переживал наши победы и неудачи. Никогда не был равнодушным. Боль русского народа я чувствовал своим сердцем. И это находило отражение в стихах.

Русский мир – это мир, в котором я родился, мир, который я защищал, служа на флоте, и продолжаю защищать, служа литературе.

Меня радует, что Россия в последние годы значительно окрепла, вернула Крым, ее корабли опять бороздят океаны.

Я верю в счастливое будущее моей страны, страны сильной и справедливой, хотя и придется ей пройти еще через множество нелегких испытаний.

Борис Орлов

Контр-адмиралу Льву Чернавину

Не сыпалась на нас спасительная манна,
Мы не брели в песках к неведомой стране,
Холодная война – просторы океана.
Холодная война – тараны в глубине.

Мы укрощали нрав торпедам и ракетам:
Холодная война, как топка, горяча.
Все сведенья о нас хранились под запретом,
Секретным был приказ, но он карал сплеча.

Холодная война – и подвиги, и горе...
На боевом посту характер обрели.
В нейтральных водах нет ничейных территорий,
Надгробьями на дне ржавеют корабли.

И хрипы ревуна, и задымленье пульта,
Как взрывы донных мин, срывали с коек нас.
Холодная война – инфаркты и инсульты:
Уходим в небеса, когда ушли в запас.

I

Черная подлодка.

Черная вода.

Черная пилотка.

Красная звезда.

Север

Гранитный север. Цепкая трава.
Гул океана. Валуны и сопки.
Весомее дела. Скупей слова.
Здесь трудно нерешительным и робким.

Мох окаймил веснушчатый гранит.
Вновь близкий шторм растет в метеосводке.
А бухта лишь мгновение хранит
Волну от погрузившейся подлодки.

Мы погружались. Море безразмерным
Казалось. Выл пронзительно ревун.
Вода врывалась с грохотом в цистерны,
Как будто в барабаны бил Нептун.

А через месяц возвращались поздно
Полярной ночью – ни огня окрест.
Когда всплывали, то в цистернах воздух
Пел, словно в трубы, духовой оркестр.

Ночь навалилась холодно и сыро.
Корабль похож на дремлющий ковчег.
Мы белые чехлы снимаем с бескозырок —
Из туч летит на землю белый снег.

Но все еще о лете разговоры,
Хоть пар и замерзает возле рта.
Стрекочут, как кузнечики, приборы
В молчании центрального поста.

А на рассвете краткий шифр команды
Нам ясно растолкуют маяки.
И загрохочут, словно камнепады,
На палубах матросские шаги.

Много суток ни заря, ни звезды
Не ласкали напряженных глаз.
Но запел в цистернах сжатый воздух —
Продувался весело балласт.

В рубку поднялись поочередно.
Долгие затяжки. Горький дым.
Диск луны, неяркий и холодный,
Выплыл, словно нерпа, из воды.

Но тревога вновь задраит люки.
Рухнет на подлодку тяжесть вод.
А земля устала от разлуки,
Нас вдали нетерпеливо ждет.

Грома, играя, чистят глотки.
На полушарии – весна.
Но в тесном корпусе подлодки
Мы – как ростки внутри зерна.

Дыханье солнца помним смутно —
Над головою сталь крепка.
Но в люк однажды хлынет утро —
И мы услышим... облака.

И всплыть – новое рожденье —
Волной ветров окатит нас.
Предстанет зыбким, как виденье,
Мир, не вместившийся в приказ.

В брызгах от набежавшей волны,
Словно луны, блестят валуны.

На земле и на небе – снега.
Снежный свет затопил берега.

К стаям тихих жилищных огней
Сосны птицами рвутся с камней.

Им на сопках гнездиться невмочь.
Индевет полярная ночь.

Атака

Весь корабль напряженно дрожит.
Что за страсть пробудилась в металле?
Ниже волн наше море лежит.
Отклоняется курс к вертикали.

Участилось дыханье турбин
От объятий подводного мрака.
И в тяжелом безмолвье глубин
Оживают торпеды...
Атака!

Литые волны хмурого залива
Штурмуют скалы, как морской десант.
Мои друзья не говорят красиво —
Привычнее для них слова команд.

Их согревают флотские шинели
В стерильный холод и озонный дождь.
На плечи росахами метели
Бросятся из карликовых роц.

Они словам не верят – верят фактам.
Им непривычны выходные дни.
И что такое атомный реактор,
Своею кровью чувствуют они.

Памяти умерших от лучевой болезни

Они в списках павших не значатся.
Их с нами в компании нет.
Коварнее пуль радиация —
Невидимый дьявольский свет.

Вокруг ни войны, ни пожарища...
Их смерть, как прыжок затяжной, —
Мучительно наши товарищи
Уходят с арены земной.

От вектора жизни до фактора
Кончины —
незримый распад.
В разбуженных недрах реактора
Таится урановый ад.

Авария

Выпью спирт, разбавив дистиллятом,
И войду в реакторный отсек.
Я покрою матом мирный атом,
Что нам укорачивает век.

Эту жизнь, дневную и ночную,
Я люблю – и знаю в жизни толк.
А реактор заглушу вручную...
Мирный атом – как домашний волк.

В конце похода

Пока еще оркестр
Нас маршем не встречал
У скользких берегов
Скалистого фиорда.
Но кажется, что борт
Оперся на причал,
К которому корабль
Пришвартовался с норда.

В обители стальной
Нет ни лесов, ни рек.
И тишина порой
Становится безликой.
Но пахнет по ночам
Реакторный отсек
И рощею грибной,
И спелой земляникой.

Омыла нерпа в море ласты
Шестидесятой широтой.
Цистерны главного балласта
Пустили воду на постой.

В «центральном» свято, словно в храме.
Лениво вертятся рули.
Декоративными цветами
Табло в отсеках зацвели.

Наш мир безмолвием озвучен.
Спит черным космосом вода.
И астероидною тучей
Плывут над нами глыбы льда.

В отсеках – день, в подлодке – лето.
Моря – начало всех начал.
Но, как замерзшая планета,
Нас встретит холодом причал.

В отсеках ветры не свистят,
Не буйствует гроза,
Но оседает конденсат
На робах, как роса.

Опять швартуется весна
К прибрежным валунам.
Морзянкой жаркою она
В сердца стучится к нам.

Неделя ходу – и рассвет,
И сопок синева.
И письма выпорхнут на свет,
Как первая листва.

Я лунный свет ловлю в ладони.
Безмолвна тундра. Ночь длинна.
На склоне сопки, как на троне,
Сидит полярная сосна.

Здесь все мало. И только тени
Огромны, как пурги крыло.
И чудно, словно в день творенья.
И перевозданно. И светло.

Неустроенность быта. Растерянность.
Чемодан приютился у ног.
Нарушается в жизни размеренность.
Впереди незнакомый порог

Необжитого дома. Над крышами,
Как тюлени, плывут облака.
К низким стенам боками пушистыми,
Откружившись, прижались снега.

Тишина. Ни души. Лишь таинственно
Сквозняками играет апрель.
Я повешу на гвоздик единственный
В лейтенантских созвездьях шинель.

В Ленинграде

Тане

Я не был год у розовых колонн.
Жизнь пролегла не гладко и не просто.
Рвут надо мной вечерний горизонт
Под облака взметнувшиеся ростры.

В разлуке напридумывал тревог,
Нелепо волновался без причины.
А ты жила дыханьем давних строк.
Мою подлодку прятали глубины.

Где вымытый гранит щербат и сер,
Куплю, как прежде, белые гвоздики.
Навстречу рыжим ветром хлынет сквер,
Услышу журавлей усталых крики.

Чтоб растопить в твоих земных глазах
Проникший в сердце холод Заполярья,
Остановлюсь несмело в двух шагах
Я, обошедший оба полушарья.

Гостиничная койка. Щербатое трюмо.
На тумбочке белеет забытое письмо.
Не греет батарея. Шныряют сквозняки.
Не скоро дочитаю две летние строки...

В тлеющем холоде осени
Лето сгорело дотла.
Стынут лишайника проседи
В тундре, как будто зола.

Может, подмятый потерями,
Жить научусь, не спеша.
Но под косыми метелями
Не покривится душа.

Заполярье

Легко вращается планета,
Роняя вьюги и грома.
На южном склоне сопки – лето,
На склоне северном – зима.

И по растрескавшимся кручам
Замшелой северной земли
Сползают смерзшиеся тучи
В незамерзающий залив.

Заиндедеввшие туманы
К камням прилипли, словно мхи.
Но будят сонные бакланы
Матросов, будто петухи.

Полярная ночь

Отяжелело солнце. Из-за льдов
Оно уже не выкатится плавно.
Оборвана пургою цепь следов,
Что придавила выставшие травы.

Матросский строй стекает на причал.
Скала нависла над казармой круто.
Девятый вал на взмыленных плечах
Приподнимает сумрачное утро.

Убрали трап, сколов зеленый лед.
Задраили на низкой рубке дверцу.
И застучало ядерное сердце.
Винтом рассек волну атомоход.

Здесь юность поняла военный быт:
И уют, и жаркие тревоги.
В широтах снежных замело дороги.
Окраина России – центр судьбы.

Начало похода

Люк задраен. И начат отсчет
Ратных суток в подводном полете.
И замедленно время течет
В лодке атомной, как в звездолете.

Суматохой в отсеке похож
День ухода на день возвращенья.
На причале не скоро вдохнешь
Сумрак, полный земного свеченья.

Экипажу атомной подводной лодки «Волгоград»

Нам под волнами шар земной послушен,
В реакторе беснуется уран.
Уходит от причала наша суша
И курс берет в открытый океан.

Подводников возвышенные лица...
Но где мы, неизвестно матерям.
Мы – часть России, мы несем границу
Страны по океанам и морям.

То солнцем обожжен, то вновь простужен
Над зыбкими волнами горизонт.
Для государства субмарина – суша,
Россия там, где наш подводный флот.

Полигон

В пепле утоплены ветры.

Нет ни лугов, ни дорог.

Здесь убивают планету

Бомбами, плавя песок.

Здесь у планеты висок.

Обелиск

Вместились жизни в краткую строку,
Застывшую на камне отрешенно.
Душа – в глубинах. Прах – на берегу.
Взрослеют дети, и седеют жены.

И набухает небо. И штормит.
Но море не сильнее человека...
Хотя порою траурно гремит
Затишье аварийного отсека.

Мы не против наград и чинов.
Наигравшись в подводные жмурки,
Колем дырки мы для орденов,
Примеряя в отсеках тужурки.

Вероятный противник... Опять
Мы за ним обогнули полсвета.
В иностранных трескучих газетах
Шторм словесный уже не унять.

Орденов не видать в этот раз —
Вслед нам ноты протеста летели.
Ждут нас люди в Особом отделе.
А ведь мы выполняли приказ!

Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.
За подоконником – галка,
Солнце, березы, овраг.

Снова шинель мою лето
Плотно скатало в рулон.
Два золотистых просвета
Перечеркнули погон.

Службу на время оставил —
Муза зашла впопыхах.
В строгом военном уставе
Нет статьи о стихах.

Стал подозрительным – жалко!
Шепчут: «Что пишешь, чудак?»
Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.

Утренняя песня

Отогрею лиру под шинелью
И охрипшим голосом своим
Запою, как мечутся метелью
Чайки
и в заливе спит Гольфстрим.

Стынет солнце, словно самородок,
На скале, лучом задев радар,
Над стальными люками подлодок
Виснет, как над прорубьями, пар.

Губы, обожженные норд-вестом,
Замолчат... Но, сбросив холод снов,
Этот мир откликнется оркестром
Бьюг и корабельных ревунов.

Отдаленный гарнизон

Вдали города...
Здесь запретная зона,
Ревун над заливом
И гарь полигона.
Из тундры уходит
Продрогшее лето.
В киоске —
Уставы, конверты, газеты.

Тревогой отброшенный
В море,
С рассвета
Внимаю командам
Полярного ветра.

В отпуске

Пестрый день встречаю у окошка.
Не причал, а яблоня скрипит.
В магазин шагаю за картошкой —
Обживаю вновь семейный быт.

Отпуск – жизни суетной начало,
И конец – непрочен, будто нить.
Нас от быта море отучало,
Заставляя бытие ценить.

Словно белые ангелы,
На мои плечи садятся метели.
Их зовет звездное небо,
Отразившееся в погонах.
А когда сильный ветер
Распахивает огромные крылья
Флотской шинели,
Я становлюсь
Черным демоном.

...Скоро встречу шторм.

Залив

Замерз на лету молчаливо
Сорвавшийся с кручи ручей.
И кажется, что над заливом
Не будет весенних речей.

Горбатые льдины, как четки,
Швырнул океан под волну.
Уходит подводная лодка
На полюс, вспоров глубину.

Наверное, встречу не скоро
На праздничном пирсе друзей.
...В отсеках немного простора,
Поэтому сердце слышней.

Примерзли к скале облака.
Луна на воде, словно риф.
Полярная ночь, как река,
Впадает в холодный залив.

Темнеет над рейдом окно.
Его не разбудит фонарь.
В пустынной казарме давно
На лете застыл календарь.

В круженье подводничких трасс
Немного устала братва.
Но мудрый военный приказ
На отдых имеет права.

Замкнутым пространством нарекли
Мир наш в оболочке из титана.
Каждый миллиметр, как пядь земли,
Кровью с боем взят у океана.

Тусклый свет. И – ни ночей, ни дней.
Люди в лодке движутся сутуло.
Палубы подводных кораблей
Непригодны для морских прогулок.

Воды завиваются в спираль
За винтом. Подлодка – глубже тралов.
Сутки сведены не в календарь,
А в обложки вахтенных журналов.

Картина

Забыли о том, что над нами
Кромешная толща воды.
Каюта. В березовой раме
Картина: на ветках дрозды,
Деревья на фоне болота.
И мы после флотских трудов
В холодных и теплых широтах
Пьем чай возле этих дроздов.
Уже надоели глубины
Мельканьем наскучивших лиц.
И льется в каюту с картины
Беззвучное пение птиц.

Памяти В. Юдина

В нейтральных глубинах спуют корабли —
Носители ядерной смерти.
Ушли в океан – не из жизни ушли:
Вы страхом опасность не мерьте!

За нашей подлодкой – невидимый след.
Не будет ни криков, ни шума.
Возможно, вернемся, а может быть, нет.
Но лучше об этом не думать!

Памяти капитана 3-го ранга В. Юдина

Юность прошла, словно грипп —
Жаром любви окатила.
Заматерел и охрип,
Жизнь изваял из тротила.

Грозди дневных облаков
Снегом укутали крыши.
В тесном кругу моряков
Море трагедией дышит.

Гибнет отсек под водой —
Круг превращается в точку...
И под замерзшей звездой
Плачет жена в одиночку.

Гудит планета, словно барабан.
Землетрясения рвут природы лоно.
И нервы, как в реакторе уран,
Сгорают – становлюсь опасной зоной.

Все гибнет – от слона до воробья.
И фауне уже не сбиться в стадо.
Я, разрушая жизнь вокруг себя,
Стал вредною частицею распада.

В болезнях ли, в озонной ли дыре
Мы растворимся глиняным колоссом?
Как в устье мутной Леты,
на Земле
В людей сливает стоки вечный космос.

В реакторном отсеке

Бросив на крышку реактора
Ватник,
Дремлет подводник —
Скиталец и ратник.

А по щеке его,
Нагл, как цыган,
Полупрозрачный
Ползет таракан.

Их породнили
Нейтральные воды,
Всплеск радиации,
Кризис свободы.

...С ядерным грузом
Уйдя в океан,
Сотни Чернобылей
Плавают уран.

Шутка

Шторм во флотской походе,
В планках орденских китель.
Ходит в черной пилотке
Мой ангел-хранитель.

А характер не кроткий —
Кроет в мать и в царя.
Ангел в черной пилотке —
Командир корабля.

Шторм

Вода закипает за бортом,
Как в ливень – густая листва.
Нигде между Богом и чертом
Не сыщешь теснее родства.

Мне тучи казались эскортом,
Но сгинул в пучине мой след.
Нигде между Богом и чертом
Огромнее пропасти нет.

Без крови – открыта аорта —
Укрыла вода, не земля!
Нет в мире ни Бога, ни черта.
И нет на волнах корабля.

Нам казался веселым и сирым
Лейтенантский хмельной неуют.
Нам старухи сдавали квартиры,
Словно крепости в битвах сдают.

По задворкам лесного пространства,
По околицам мирной страны
Жили...
В службу впадали, как в пьянство,
Заложив душу богу войны.

А потом оставлять полигоны
Нам предписывал строгий приказ.
И, снимая ремни и погоны,
Как в себя, уходили в запас.

День рождения

И морской офицер, и поэт...
Три минуты затишья в эфире.
Мне исполнилось тридевять лет
В тридевятой казенной квартире.

Стынет в кружке технический спирт,
А над кружкой топорщится сало.
Не до женщин... Какой уж тут флирт! —
Быт по разным углам разбросало.

Для поэзии дверь распахну.
Свечки в черствой буханке — не в торте.
Жизнь люблю. И судьбу не кляну.
Блок — на полке. На поясе — кортик.

Туз бубновый. И дама крестей.
Картам нет, словно женщинам, веры.
И шепчу я: «Все как у людей...»
И пою: «Господа офицеры...»

Осторожно проклюнулся день
В оперенье полярных сияний,
И отхлынула к полюсу тень,
Обнажив ледниковые грани.

Мир еще не оттаял, и свет
Заскользил по безжизненным рекам,
Словно эхо с далеких планет,
Что состарились без человека.

Не колышутся впавшие в сон
Водопадов крутые ступени.
Но уже потеплел горизонт —
Мой предел и дорог, и стремлений.

Конец походу – рюмки всклень полны.
В квартирах наших – жены, а не вдовы.
Вернулись все – ни мертвых, ни больных!
И флаг трепещет, и скрипят швартовы.

Зачеркивали дни в календаре —
И жизнь быстрее летела, чем в романе.
Нас берегла любовь: на корабле
Кружились тени из воспоминаний.

Святое дело – выпить «двести грамм».
Приправив парой боцманских историй.
Мы пили за любовь, за милых дам.
И только после тост: «За тех, кто в море!»

Задыхаюсь воздухом сырым —
Затянуло небо туч коростой.
Был у белых полуостров Крым,
Нам достался Кольский полуостров.

Нас теснят лишайником и льдом.
Моряки на суше – пешеходы.
На Москву с боями не пойдём —
Негде швартовать атомоходы.

Медь оркестров плачет – не поет! —
Тонут в Бахе выставшие скалы.
Медленно вмерзаем в ложь и в лед,
Оставляя семьи и причалы.

Владимиру Масагину

«Мир! Дружба! А войну долой из моды!
Конверсия – все плавить и взрывать.
Вокруг России – братские народы,
Зачем торпеды – не с кем воевать!»
Ломали нам, как белым птицам, крылья.
Пускали наши принципы в расход.
А мы сливали спирт с торпед и пили,
Водой разбавив, за погибший флот.

«Зачем стране моря и океаны?
У нас континентальная страна!» —
Политики болтали неустанно,
А мы хватили горюшка сполна.
И штурманские карты слою пыли
Покрылись – лыко в черную строку.
Но мы, сливая спирт с компасов, пили,
Чтоб выбрать верный курс на берегу.

Продали солярку. Нет бензина.
В ржавчине надстройка. Винт в песке.
Адмирал скупает магазины.
Он пахан в военном городке.

Офицеры пьяно горбят спины.
Втоптан в грязь, как тряпка, флотский флаг.
Адмирал, скупивший магазины,
Топит флот страшней, чем внешний враг.

Я список кораблей прочел до середины...
О. Мандельштам

Указ или приказ – как вражеский фугас:
Уходит флот ржаветь на мели и в глубины.
Я список кораблей прочел десяток раз,
А раньше я не мог прочесть до середины.

Останки кораблей – вдоль русских берегов,
Но сраму ни они, ни моряки не имеют.
Все тайные враги... а явных нет врагов,
И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму.

Заморские моря грустят без наших рей,
Но флаги на морях не нашего пошива.
О, флотские сыны, романтики морей!
Здесь движет не любовь, а зависть и нажива.

Умирал великий флот Союза —
Флаги со звездой срывал приказ.
Скатывались якоря из клюзов,
Словно слезы из ослепших глаз.

Уходили с палуб офицеры
На причалы как на эшафот.
И надежды рушились, и нервы
Рвались. Погибал без боя флот.

Выбросили – и на барахолку,
И в металлолом, и под волну...
Умирал великий флот, поскольку
Был не в силах пережить страну.

Константину Мунтяну

Мы научились умирать достойно,
Но из беды не извлекли урок.
Мою подлодку, как на скотобойню,
Ведут утилизировать в плавдок.

Она б еще народу послужила,
Ведь до сих пор ее боялся враг.
Но тянут кабеля, как будто жилы.
Распущен экипаж и спущен флаг.

Оркестра нет. В трюмах ржавеют трубы
Систем, но не сыграть на них аврал.
Торпеды, словно выбитые зубы,
Отвезены в подземный арсенал.

Она перед врагами виновата —
Что не дала страну отправить в плен.
Как блюда на обед, разделана для НАТО,
Чтоб не поднялся русский флот с колен.

Наш корабль

Россия, не зная курса,
Плывет себе наугад.
Как первый отсек от «Курска»,
Оторван Калининград.

Не просвещен, не обучен
Вовремя наш экипаж.
И по борьбе за живучесть
Не проведен инструктаж.

Гибнем в подъездах и штреках —
Страшен кровавый след.
Но «Осмотреться в отсеках!»
Сверху команды нет.

Взрывчатка, ножи и пули —
Топит Россию братва.
Словно винты, погнулись
Курильские острова.

Экипажам атомоходов, погибшим в океане

Акустик различает голоса
Архангелов, а не семей китовых.
Из глубины всплываем в Небеса, —
Апостол Петр готов принять швартовы.

Достоинство и Веру берегли,
А к Господу вели морские мили.
У нас горизонтальные рули
Похожи на расправленные крылья.

Качаемся, как будто на весах,
На облаках – в цене весомость слова.
Наш экипаж зачислят в Небесах
В эскадру адмирала Ушакова.

Нет, кроме нас, в отсеках ни души.
Над перископом белый ангел вьется.
В раю мы будем Родине служить
Под вымпелом святого флотоводца!

В шинели зрелость встала на пороге.
Приказ подписан: бросить якоря.
Что видел я? Учебные тревоги.
Казармы. Полигоны. И моря.

Неоспорима флотская наука.
Течет походных дней калейдоскоп:
Циклон – в отверстие рубочного люка,
Полярное сиянье – в перископ.

Таинственна глубин нейтральных темень:
Немало в ней находок и утрат.
Что видел – разберусь! Судьбу и время
Мне высветил кремлевский циферблат.

С Севера вынырнув, словно из проруби,
Жадно дышу Ленинградом.
Мысли порхают, как дикие голуби,
В стае с густым листопадом.

Трудно года мои плыли и ехали
Сквозь ледниковые мили.
В лиственном небе, изрытом прорехами,
Солнечно светятся шпили.

Все позабудется, все перемелется —
Жизни жестокий закон.
Дышится легче и в лучшее верится
Возле Ростральных колонн.

Флаг

Грузен крейсер на рейде.
Полумрак.

Лишь заря багровеет на рее.
Спущен флаг.

Нет! Не думайте, мы не сдались.
Ночь – не враг.
Как свинец, сны в затылки влились.
Свернут флаг.

Свет зарниц – свет сигнальных ракет.
Жди атак.
Маскируются войны в рассвет.
Поднят флаг!

Юрию Курганскому

Снится сон: мучительно и странно
Видеть заполярную весну.
С аварийным дифферентом на нос
Мой корабль уходит в глубину.

Океан раскачивают ветры.
Айсберг отражает лунный свет.
Глубина – четыре километра.
Дно – гранит. На всплыть шансов нет.

Просыпаюсь. Сердцу беспокойно.
Не спасет от бед уют квартир.
В полигонах вызревают войны.
Скоротечна жизнь. И зыбок мир.

II

1955 год

Я родился,
когда еще пепел войны не остыл.
Дети в роще играли
немецкой простреленной каской.
В пол, как в колокол, бил скорбно
старый костыль —
Инвалид шел в худой гимнастерке
солдатской.
Улыбались на стенах
слегка пожелтевшие фото
Непришедших солдат —
между хмурых икон.
Пьяно вскрикивал в чайной:
«В атаку, пехота!»
Одноногий печник,
вспоминая штрафной батальон.
В почерневшей избе
хрипло хлопали шкафчика дверцы,
В ней старуха жила,
пыль сметая с военных картин.
И позднее я понял

ранимым мальчишеским сердцем,
Почему в деревнях
больше женщин и меньше мужчин.

Отцу

Из калитки ты шагнул в войну
С легкой котомкой за плечами.
И, как предки к правде в старину,
Шел по ней и днями, и ночами.

В поисках всемирной тишины
Укрощал безжалостные доты.
И в Берлине вышел из войны
Через Бранденбургские ворота.

В День Победы

«Танки прут... Их пуля не берет...
Взвод в земле... В живых лишь я, сынок!
Оставляю Сорок первый год,
По России пятясь на восток».

Он заплакал... Распахнул окно...
Прохрипел, садясь на табурет:
«Помни – поражение одно
Не забыть и после ста побед!»

Отступленья, пепел, плач сирот
От отца ко мне приходят в сны.
Поминаю Сорок первый год,
В семьи не вернувшийся с войны.

Возвращение

Он в хату вошел невесел.
– За душу молились?.. Ждали?..
И рядом с иконой повесил
На стену свои медали.

Друзей поминал. И плакал,
Казалось, что мир нереален.
И грозно смотрел из мрака
С медалей Иосиф Сталин.

Сорок первый год

Сорок первый, хмурый и уставший,
В окруженье раненым попавший...
Сорок первый, без вести пропавший,

Мертвых в спешке не похоронивший,
Под Москвой врага остановивший,

Ты несешь и горестно, и свято
Имя неизвестного солдата.

Неизвестный солдат. Мы покойных
забываем... Они помнят нас!
Справедливы солдатские войны,
если выполнен точно приказ.

Всех погибших помянем достойно,
на потомков потом поворчим.
Справедливы солдатские войны,
а о маршальских... мы помолчим.

Высота

Разбитый дот. Осколочный металл.
Война давно ржавеет в катакомбах.
Вслепую здесь похоронил обвал
В корнях берез не взорванную бомбу.

А соловьи поют. Земля в цвету.
Среди травы разбросаны ромашки.
Березы атакуют высоту,
Как моряки в разорванных тельняшках.

Опустели, как в дождь, бельевые веревки —
Нищета. Мы у века живем на краю.
Петербургу не выплакать слез Пискаревки
И не снять ленинградской блокады петлю.

Прячем взгляды в себя, сторонимся друг друга;
Как в тугом кошельке, в сердце носим вину
Перед теми, кто умер. Мы загнаны в угол.
Шулера – словно карты – тасуют страну.

Ветеран

Твой ракетный крейсер на флоте
Называли гордо «Варяг».
И хранится – свято! – в комоде
Корабельный гвардейский флаг.

Ты Евангелием от Матфея
Зачитался – вокруг нищета.
А над якорем багровеет
На кокарде – раной! – звезда.

Все осмеяно или оболгано
Телящиком – метод не нов.
Весел внук комиссара Когана

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.